

агенты многих государств. За каждым моим шагом следили. Мои письма перехватывались и вскрывались».

При этом одного предложения на странице 31 «правдивой» брошюры было бы вполне достаточно, чтобы высказать всю демагогичную полуправду: «Со своей стороны я заявил, что не давал большевикам денежных средств». Об этом он действительно заявлял, ведь большая сделка не должна была стать известной ни при каких обстоятельствах — такое основное условие поставила германская сторона.

Борьба Гельфанда за правду, как он ведет ее в своих оправдательных трактатах, несколько напоминает помесь из сэра Артура Конан Дойла и Хедвиг Куртс-Малер, он искусно затушевывает курьезность заговора между кайзером и большевиками.

И Ленину еще месяцами приходится мучиться с денежным обвинением. Он не может открыто, обдуманно и уверенно говорить о чрезвычайно полезной военной хитрости, ослабляющей врага. Он сейчас крепко пригвожден в собственной стране и еще должен подождать до взятия большевиками власти в октябре, пока он сможет выдать три своих немецких слова, выдвинутых в возбужденной дискуссии, — «высказать, что есть» (*aussprechen, was ist*).

БОЛЬШОЙ ТРИОК

Но как же функционирует система Гельфанда? Как деньги поступают в петроградский угловой дом Козловского и, тем самым, в кассу большевиков?

Упрощенно формулируя, сделки Гельфанда на рынке ни в коей мере не выглядят необычно. Он покупает товары у предприятия в стране X. Эти товары он продает предприятию страны Y. Оттуда товары перепродаются предприятию страны Z. При каждой покупке, продаже, транспортировке, перепродаже, которые осуществляются поначалу с обычными бумагами, нормальными импортными и экспортными лицензиями, таможенными декларациями и т. д., Гельфанд получает свои проценты. Как страстный торговый предприниматель он, естественно, пытается взвинтить свою долю насколько возмож-

но. При очень больших объемах его проценты приносят и номинально высокую прибыль. Поскольку большинство товаров закупается его датской торговой компанией, почти все доставляется на судах в Копенгаген. Там товар разгружается и перегружается для дальнейшей транспортировки следующей фирме — как правило, груз направляется фирме «Клингсланд» в Стокгольме, учрежденной Гельфандом и Ганецким. Там товар снова перегружается и опять же судном транспортируется дальше. Чтобы сэкономить на дорогой плате за перевозку, Гельфанд даже покупает для своей торговой компании собственные грузовые суда. Когда, например, медикаменты, текстиль и химикаты доставляются судном в Россию, они отправляются из портового города Петрограда дальше вглубь страны, обычно по железной дороге. Этим тогда занимается российское дочернее предприятие фирмы «Клингсланд» в Петрограде.

Выручка от продажи направляется в российские банки в Петрограде, т. е. на счета представительницы «Клингсланд» Суменсон. Оттуда «Клингсланд-Петроград» переводит выручку от продажи последней указанной фирме-поставщице «Клингсланд-Стокгольм». «Клингсланд-Стокгольм» переводит деньги дальше, центральной фирме Гельфанда в Копенгагене, а из Копенгагена часть выручки поступает первоначальным продавцам в Болгарию, Румынию, Англию, Германию и т. д.

Но доходы от многого, что продается в России, оседают в Петрограде. Почему? Поначалу — так принято в каждом торговом предприятии, и это ни в коей мере не подозрительно — вся выручка изымается и аккуратно направляется в Скандинавию, что, как правило, обеспечивает Евгения Суменсон, служащая фирмы «Клингсланд». Она переводит деньги на счета Ганецкого в Стокгольме.

Дело на этом кажется завершенным. — Если бы революционеры Ленина не нуждались срочно в деньгах. Поэтому доверенное лицо Ленина Ганецкий направляет подавляющую часть денег на различные частные счета Суменсон назад в Петроград — в отмытом виде.

Открытым остается один вопрос: как покрываются «убытки» Гельфанд? Обычная торговая сделка начинается с того, что для ее финансирования, для первоначальной закупки товаров необходимо взять кредит. При закупке товаров Гельфанд и Ганецкий по указанию Министерства иностранных дел и Генерального штаба в Берлине получают такой закупочный кредит у банков, например у Дойче Банк. Там предоставляют для предварительного финансирования гигантские суммы. Поскольку, как известно, выручка от сделок в России служит финансированию революции, Дойче Банк остался бы со своими «потерянными» кредитами, которые не могут быть погашены из оставшейся прибыли. — Если бы Министерство иностранных дел и Рейхсбанк не покрывали предоставленные кредиты из различных своих фондов. Так оно и происходит, в этом, собственно, и состоит трюк. Все это, с одной стороны, очень просто, но, с другой стороны, сопряжено с требующими затрат времени обходными путями и очень запутанно.

Гельфанду никогда не приходится возвращать кредиты, что при раздробленности и диверсифицированности его торговой империи не бросается в глаза и не проверяется. Зачастую кредиты для предварительного финансирования выплачиваются на не вызывающие подозрения счета в Швейцарии, а также в Румынии. По этой причине Гельфанд, к примеру, при миллионных выплатах Министерства иностранных дел настаивает на том, что часть денег должна сначала направляться в третьи страны, например в Румынию, чтобы исходный «источник» в Германии не так бросался в глаза. То, что Гельфанд будет получать деньги из самых разных фондов Министерства иностранных дел, было в принципе оговорено с руководством Рейха и Генеральным штабом. Потому и достаточно, если статс-секретари общаются друг с другом совершенно неформально и распоряжаются крупными суммами при помощи пустых фраз: «для известных Вам целей», «для пропагандистских целей», «без указания оснований» и т. д. Ведь деньги в направлении Гельфанды и различных зависящих от него структур все же приводятся в движение на самом высоком уровне, между статс-секретарем Гельферихом в Имперском казначействе и статс-секретарем

Циммерманом в Министерстве иностранных дел. Затем линия распоряжений доходит до посланников Министерства иностранных дел: барона фон Редерна в нейтральной Швейцарии, графа фон Брокдорф-Ранцау в Копенгагене, барона фон Штедтена в Стокгольме. Обмен информацией между тремя германскими зарубежными представительствами в нейтральных странах, разумеется, необычайно облегчает всю операцию.

Правда, кое-что в Копенгагене транспортируется туда-сюда и «немного мимо таможни», как об этом осторожно говорят. Когда все это становится чрезмерным, контрабанда постепенно получает огласку и предстоит даже арест Ганецкого, датские инстанции советуют его адвокату, чтобы Ганецкий немедленно и по собственной инициативе прекратил такого рода торговлю «в обход закона» и покинул страну.

Германский посланник в Копенгагене, естественно, проинформирован об этих событиях, он тоже советует Ганецкому как можно скорее покинуть Данию, чтобы своеобразные торговые операции при ближайшем общественном рассмотрении не обернулись политическими осложнениями. — Ганецкий еще быстро уплачивает свой штраф в Копенгагене и исчезает.

Несмотря на это, кое-где, естественно, что-то просачивается, и секретные службы Антанты, не будучи информированы в деталях, имеют приблизительное представление о том, что через разветвленную загадочную торговую систему денежных и товарных услуг в кассу российских революционеров-большевиков поступают наличные. Но все это трудно проследить и доказать. Возможно, и общая декларация «на цели политической пропаганды» в недостаточной мере встревожила Антанту, поскольку она сочла эту затею более безобидной, чем она затем оказалась. В конце концов, компетентные службы знали, что и их собственные правительства выплачивают деньги «другим русским» — меньшевикам, Временному правительству князя Львова и его преемника Керенского, но с прямо противоположной целью: чтобы продолжать войну и победить Германию.

Многие политики и дипломаты стран Антанты и не обладают точной информацией, и не имеют даже представления о «беспощадной энергии» — как пишет Кескюла в своем секрет-

ном рекомендательном сообщении секретному отделению № 3 мая 1915 г. — революционного теоретика Ульянова-Ленина, относительно неизвестного в кругах политиков, в его швейцарской эмиграции. Ведь в большой российской эмигрантской колонии так много путников! То, что некоторые из этих людей получают деньги на свою пропаганду, больше не вызывает у них беспокойства.

Напротив, дипломат Австро-Венгрии Гребинг информирован несколько детальней. В конце концов, австрийцы в своем Генеральном штабе, независимо от союзных германских ведомств, также обсуждали идею «переправки» неутомимого революционера Ульянова-Ленина в Россию, чтобы разгрузить на Юге свой протяженный и не очень успешный фронт против царской армии, который простирается как-никак от Южной Польши через Карпаты до Балкан.

Гребинг располагает также информацией о движении революционизации и, в общих чертах, о трюке германского Министерства иностранных дел и руководства Рейха в отношении посредника Гельфанда. Гребинг пишет: «Парвус и Фюрстенберг действительно осуществляли с германской помощью через Скандинавию регулярные масштабные экспортные сделки с Россией. При этом действовали следующим образом: Парвус получал из Германии определенные товары, срочно необходимые России, такие как хирургические инструменты, медикаменты, химические препараты, одежду или даже противозачаточные средства, а Ганецкий отправлял их затем дальше в Россию. Все доходы от этой торговли не переводились назад в Германию, а с первого дня революции использовались главным образом для финансирования ленинистской пропаганды».

Людям, не информированным в деталях, действительно, едва ли возможно выделить первоначальный германский денежный источник из множества деловых бумаг о мелких 50-тысячных суммах, которые Гельфанд и Ганецкий посыпают на счета друг друга. Письмо Ганецкого Гельфанду от 28 апреля 1916 г. сообщает о таком переводе туда-сюда, «рублевом обналичивании» в прямом смысле слова, с одного счета на другой:

*Настоящим я покорнейше подтверждаю, что депонированные сегодня здесь на мое имя в Revisionsbanken
50 000 руб.*

*как платеж из Петрограда — после чего вышеуказанный банк
признал счет Handels- og Exportkompaniet A/S на 45 000 кр. —
принадлежат Вам.*

*Сумма 45 000 кр. была внесена на Ваш счет в Handels- og
Exportkompaniet.*

*С глубоким уважением
[Подпись:] Фюрстенберг.*

Но и когда речь идет о «более крупных суммах», как при покупке фабрик, машин, о миллионных кредитах, указывается их чисто коммерческий характер, как в записке с отчетом и описанием деятельности уполномоченного и связанного договором «домашнего адвоката» Гельфанд, старшего адвоката Ааге Фауршоу со Скоубогаде 1 о некоторых операциях в 1917 г.:

Переговоры и совещания с Вами, адвокатом Ортманом & господином Вальтером относительно возможной покупки фабрик машин и моторов «Дан».

— Различные совещания и переговоры относительно возможной покупки фабрики машин и AO Smith, Mygind & Hüttemeier.

— Она совещается со мной относительно кредита на 2 000 000 марок в датских банках под поручительство фирмы Bleichroeder. Ведет переговоры с объединенными дирекциями Национального банка и Handelsbank, Etatsraad Glückstadt и наблюдательным советом Andelsbank. Вопрос касается займа у Arbejdernes Braendselsgesellschaft и Revisionsbank в размере 6 000 000 крон.

Насколько дальновидно действует деловой человек Гельфанд, демонстрирует ссылка в том же докладе старшего адвоката на возврат миллионного кредита, который подлежит оплате лишь через полдесятiletia после окончания войны:

Составлены 4 проекта кредитных договоров между Вами и угольной фирмой на датском и немецком.

Переговоры с Revisionsbank относительно кредитного договора с Braendselsgeschaft. Он же урегулирован для Braendselsgeschaft как твердый кредит на тех же условиях, как Ваш заем: подлежит оплате лишь через 5 лет после войны. Составлен кредитный договор Revisionsbank.

Составлен окончательный документ на 6 миллионов крон между Вами и угольной фирмой на датском и немецком, и вопрос с моей стороны готов.

В конце отчета о деятельности старшего адвоката Ааге Фауршоу, где речь идет о миллионах, адвокату приходится еще раз напомнить Гельфанду о внесении давно подлежащих уплате 12 крон налога на собак, а Гельфанд стремится, насколько возможно, затянуть уплату этой смехотворной суммы сбора датскому налоговому ведомству за относящиеся к этому делу документы:

Переговорено с гербовыми службами из-за отсрочки гербового сбора за документы. Решено, что гербовый сбор в 12 кр. оставляется на дальнейшее.

«ВЫСКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ»

Захват власти в Петрограде был детской игрой, скромно говорит Ленин о событии, которое в книгах по истории будет названо революцией, изменившей мир. То, что в действительности происходит в ночь на 26 октября 1917 г. в Петрограде под покровом темноты, следует охарактеризовать как совершенно недраматичное событие. Едва нарушая ночной покой, большевики и сочувствующие им захватывают один за другим мосты и вокзалы, почтовые и телеграфные ведомства, банки (пустые). Нигде нет сопротивления, выстрелы едва слышны. Взрывная сила этого поначалу тихого революционного события заключена в бесконечных кровавых боях, которые последуют потом.

Официально находившийся до предыдущего дня на посту премьер-министра Керенский уже в 9 часов утра выбрался из города в униформе сербского офицера. Точнее говоря, он уехал в автомобиле посольства США с флагом посла и сотрудни-